

Рена Шерешевская:

Я ВСЕГДА ВЕРИЛА В ЕГО ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Марина ГАЙКОВИЧ

– Рена, как к вам попал Люка и каким вы его увидели?

– Я увидела взъерошенного молодого человека, который вышел на сцену на своих «ходульных» ногах. Сел за рояль... Для поступления – довольно взрослый человек. Сумасшедший какой-то, всё словно вверх ногами играет! Из комедии трагедию делает, и наоборот. Пальцы – летают! Virtuозность фееричная, только многое мимо ушей проходит. Этот временный дефект – вещь нормальная. Самое трудное – уметь себя слушать извне, это с опытом становится очевидно. А вот почему интерпретация наоборот, это вызвало у меня вопрос. Быстро читает с листа «по диагонали», как все французские музыканты, поскольку одно из требований с колыбели – выучить произведение какого-либо композитора за очень короткий срок (максимум 6 недель), блестящая музыкальная память и потом не смотрит в ноты и играет, что сам чувствует, а не что диктует композиторский текст? Или это то, что называется способностями гения – то есть просто запоминает трудный текст без нот, как это с легкостью делали Моцарт, Бетховен, Бах или Рахманинов?

Интересно, к кому он просится? Открываю его досье, и вижу свою фамилию. Думаю: «Боже! Я так устала!» Не зря русские во Франции называют меня Доктором Айболитом, а французы – Матерью Терезой. Не поступил – пришел к Шерешевской, не сыграл – пришел к Шерешевской. А один из студентов (он учится сейчас

у Дмитрия Алексева в Лондоне) сказал так: «Сейчас карьерные профессиональные пианисты во Франции делятся на две половины. Одни уже занимались с Шерешевской, другие – пока еще не занимались с ней».

Я сначала подумала: нет, я его брать не буду, он уже взрослый и так далее. Он из Бове, поэтому я решила: «Что же Брижитик (пианистка Брижит Анжерер – М. Г.) моя любимая его ко мне посылает!» Выяснилось, что это была не она. Кстати, «Сентиментальный вальс», который играл Люка на первом туре и на гала-концерте, мы посвятили ей, она его записала. Для меня ее уход – трагедия.

Так вот, когда пошло обсуждение экзамена, я все-таки согласилась его взять. «А что ты с ним делать будешь?!» – спросил мой коллега. «Не знаю», – говорю. Мое натренированное чутье, мое ухо за что-то зацепилось, видимо. И вот приходит мальчик на первый урок – с хорошей книгой в руках, между прочим, Достоевский, что для французов не так чтобы часто. А для меня это важный сигнал.

В этот день на уроке у меня был 13-летний ученик, и мы с Люкой слушали в исполнении ребенка Третью сонату Прокофьева. Люка вдруг сказал: «Я так люблю Прокофьева! Я так люблю русскую музыку! Я эту сонату знаю уже почти до конца». Я уже начала подозревать, что способности его неординарные. «Ты ее уже учил когда-то?» – «Нет», – «Разбирал?» – «Нет!» – «На

▲ Рена Шерешевская и Люка Дебарг. Фото Ирины Шымчак

▼ Выступление на прослушивании в БЗК

Люка Дебарг и
Алексей Уткин

слух играешь?» – «Да».– «А ну-ка сыграй!» И он пошел по слуху играть Третью сонату Прокофьева. Невероятно! Он играет Третью сонату (я думаю – невероятно!), смотрит на меня и говорит: «А я еще люблю Вторую».– «Ну, сыграй!» – «А какую часть?» – «Финал!» Вот таким образом он мне всё объяснил, потому для меня уже не было странным, что текст «Скарбо» он поднял за три дня, по слуху.

Потом выяснилось, что он замечательно играет джаз (который я сама играю и люблю), что мне очень помогло в работе с ним. Конечно, он очень чувствует гармонический язык, а уж в Равеле... Равель даже собаке своей дал имя Джаз.

А потом Люка начал со мной обсуждать Метнера, что для меня стало очередной неожиданностью, и очень приятной. Я сама обожаю Метнера, у меня даже есть запись его романсов по Пушкину с изумительной певицей Людмилой Слепневой. И вот тут я поняла, что эта музыка должна стать квинтэссенцией нашей совместной работы.

– Как быстро пошло его развитие?

– Очень быстро, просто со скоростью света. То, что одни делали за годы обучения, Люка делал за месяц, а то, что за месяц – за неделю, а то и за один день. А поскольку душа у Люки сильно похожа на загадочную русскую душу, я сказала ему: «Будешь так же двигаться вперед, через четыре года примешь участие в отборах на Конкурс имени Чайковского». Сейчас, когда уже всё

позади, думаю: «Боже! Какая наглость с моей стороны!» А все-таки все четыре года его вела именно к этому.

Когда мы с Люкой готовились к этому конкурсу, то даже не надеялись на такой успех. Просто считала, что если он пройдет, то это уже для нас будет победа! Ведь в него никто не верил, ни один человек. Более того, кое-кто из профессуры даже упрекал его в том, что он отправил заявку, дескать, выеденного яйца еще не стоишь, а уже метишь на такой солидный конкурс. Так что у меня на уроках были настоящие сеансы психотерапии. Он постоянно спрашивал, действительно ли я в него верю, ведь ему вокруг все советовали идти играть джаз, никто всерьез (кроме замечательной Школы Корто и моего класса) не верил в его карьеру в академической музыке. Поддержала только одна французская радиожурналистка: «Да вы сумасшедший», – сказала она. – И я вам желаю успеха!» А я всегда в него верила, верила в его гениальность и верила в его невероятную преданность музыке. Он давал интервью в Клину, и я думала: так мог бы говорить Скрябин. Нет ничего важнее музыки, и именно музыка спасет мир и человечество. Так думает Лукаша. Или так писалось еще в словаре Вольтера 1736 года: музыка послана Богом...

Он отправил заявку и DVD, и я об этом не вспоминала. И когда он позвонил мне в шесть утра (!), я от волнения не могла нажать на кнопку телефона, потому что я понимала – он прошел! Он улетел в Москву. Я старалась не думать об этом. И вдруг получаю sms: «Зал потрясающий, рояль изумительный, всё, как вы мне обещали. У меня крылья! Буду хорошо играть, не волнуйтесь». Как вы понимаете, я не езжу со всеми своими студентами на международные конкурсы. Но когда Люка прошел на первый тур, он позвонил: «Приезжайте. Пожалуйста!» И добавил: «Извините, если вы можете». Потом еще один звонок: «Я здесь один, прошу вас!» Я три дня, как многостаночница, вкалывала со всеми моими студентами в двух учебных заведениях, вызывая недовольство членов моей семьи. Собрала огромный чемодан и сказала: «Хорошо, если я смогу одеть всё, что я взяла», имея в виду, что останусь до конца конкурса. А муж мне: «А может, из суеверия, не надо?» Со словами «была-не была» и «где наша не пропадала!» я улетела в Москву.

После первого тура, занимаясь вторым с ним в центре Yamaha – чтобы вы понимали, насколько мы адекватно к ситуации относились, – я ему сказала: «Если мы не пройдем, ты должен дать мне слово, что не опустишь руки. Через четыре года мы приедем сюда за финалом». Он мне ответил: «А что, есть уже слухи, что я не прошел?» На что я ему ответила: «Дуралей, сидела бы я сейчас с тобой и занималась. Я бы гуляла по Москве (которую я так до конца конкурса и не увидела) и посещала своих друзей и родственников». Тогда он ответил: «Да, действительно, я об этом не подумал. Тогда пойдёмте заниматься. Ведь музыка – выше всего!»

Что произошло потом, и какой был у него второй тур – это для нас с ним что-то потрясающее. После этих сокрушительных оваций он у меня спросил, и это истинная правда: «Ну сейчас вы довольны?»

– Как вы оцениваете его выступления?

– Я впервые его услышала, и увидела, и общалась с ним в такой ситуации. И для меня это было потрясающее – что он, впервые играя на сцене этого великого

зала, Большого зала Московской консерватории, вот так может расправить крылья! Я педагог, что-то было потрясающим, что-то, может быть, не вышло, но главное, что я поняла – я в нем не ошиблась, и если этот удивительный музыкант будет продолжать кропотливо заниматься (а он будет!), его ждет то, о чем он мечтал. Большая сцена. Он выполнил, более чем кто-либо, мой основной девиз, то, о чем я всегда говорю студентам, пытаюсь их научить: когда вы тет-а-тет со слушателем, есть только образ, звук и время. И он это сделал. Кто-то кричит об академическом исполнении, это меня не волнует. Есть какой-то французский музыковед, который написал, что соль-минорная прелюдия Рахманинова это «оле-оле», что у Рахманинова как у пианиста дурной вкус... Мало ли что говорят. Когда интерпретация выходит за рамки общепринятого, это не значит, что она плоха. Надо взять ноты и внимательно проследить за этой интерпретацией. Великие от текста никогда не отходят, они видят глубже, они видят больше. Как сказал Нейгауз, «возьмите лупу».

Мальчик он невероятный. Здесь я с ним общаюсь каждый день, каждый час, не как во Франции. Его романтическая неспокойность меня покоряет. «Музыка – выше всего!» Для сегодняшнего молодого человека такая плакатность мышления кажется чем-то велеречивым, но для него это естественно. А что он говорит о поклонниках, которые его сейчас окружают? На мою реплику, что это нормально, это неотъемлемая часть конкурсного мира, он сказал: «Нет, это ненормально. Настоящие поклонники – они в музыке, они понимают, что это не я, я только передаю то, что написал композитор. А у них появится завтра кто-то другой. Но музыка ведь остается...»

– Где Люка занимался до прихода в ваш класс? В буклете написано, он только в 11 лет начал музыкой заниматься...

– До пятнадцати лет он учился в музыкальной школе Компьеня, очаровательного города недалеко от Парижа, а потом ушел в университет Седьмого округа в Париже и занялся литературой. В 19 лет снова решил вернуться в музыку. А в 20 лет пришел ко мне.

– Для пианиста, который только четыре года профессионально занимается музыкой, да еще и в таком позднем возрасте, у него отличный аппарат. Это от природы?

– Аппарат – это у него природное, как и всё остальное. Но любой алмаз требует огранки. Любители ведь часто могут быть трогательнее любого профессионала в своем исполнении. Отличие только в качестве исполнения. И вот это качество надо было делать.

– Как строится ваша педагогическая система?

– Вы знаете, я рано потеряла руку, у меня профессиональное заболевание. Я перестала играть сольную программу. Помимо моих исполнительско-музыковедческих поисков я требую от своих учеников того, что требовала бы от самой себя и то, что я слышу и вижу в том или ином произведении. Это мучительный процесс. Часто я себе говорю: «Ладно, бог с ним, ничего страшного, пойдём дальше». Переворачиваю страницу, а потом возвращаюсь назад со словами: «Ты знаешь, я забыла тебе сказать...»

Системы у меня никакой нет. Просто я очень люблю и изучаю самым серьезным образом творчество Иоганна Себастьяна Баха, его словарь композитор-

ских средств выражения в музыке. На нем, как я считаю, всё строится.

Вот Люка сидит и поет тему из Второго концерта Рахманинова. Я его спрашиваю: «А что за тема?» – «Ну, я знаю, знаю, хорал Баха “Все мы живы”, да?» Все мои ученики этим заражены, они знают, что нет ни одной ноты просто так, знают, что музыка – это язык аффектов, и это правда. Но если это только так, и композиторы лишены мысли, то они вместе со всеми нами должны лечиться у психиатров. Что ж тогда говорить о «Так говорил Заратустра» Рихарда Штрауса? Альберт Швейцер сказал (может, это неточная цитата), что если не попытаться проникнуть в композиторскую мысль – а она может быть выражена по-разному (например, Лист говорил «ищите ноту» и так далее) – то интерпретация становится банальной.

Любую пьесу можно взять, и если в ней заложена тема ностальгии, тоски, смерти – мы обязательно в ней услышим баховскую формулу креста. И даже в современной классической китайской музыке, где, конечно, в базе пентатоника! Я ее изучала перед поездкой на мастер-классы в Китай.

– Какой у вас класс? Думаю, не один Люка добился таких успехов?

– Таких успехов – один Люка. Но есть замечательные ребята. Вторая премия конкурса имени Королевы Елизаветы – Реми Женье, который, кстати, сейчас получил за запись Баха «Золотой диск» журнала «Диапазон». Аймо Пажан – лауреат конкурса Энеску в Неаполе, после меня он учился у Фляйшера в Америке, а сейчас мне пишет, что я могу им гордиться – он играл в Ганновере вальсы Шопена и сорвал стоячую овацию.

Приходили ко мне с одними только данными и способностями. Могу сказать, что у меня не было «готовых» ребят, хотя и просились. Сейчас могу сказать, что не сожалею – это такой опыт! Как-то ко мне попал один ученик, которого в Москве никуда не брали, а я взяла в Ипполитовское училище только за одного фамильного Баха. Сейчас он работает в Московской консерватории. Так вот Лев Николаевич Власенко послушал его в начале, поморщился... А когда услышал его на вступительных экзаменах в консерваторию, сказал: «Ты знаешь, Ренка, хороший педагог слышится не в хороших учениках, а в том, как развиваются плохие». У меня, видно, это на роду написано. Но это замечательно.

▼ В ожидании результатов голосования. Фото Ирины Шымчак

